

К итогам сезона

НАЧНУ со спектакля, который зрителей не видят. Это водевиль Валентина Катасова «Квадратура круга». Не увидят, хотя пьеса была включена в репертуар областного театра, или редакции, готовившие оформление, наконец, спектакль был представлен в сдаче комиссии областного управления культуры. И тут-то произошла осечка. Его не прияли. Последняя премьера нынешнего сезона не состоялась. Что же случилось?

Разумеется, для того, чтобы готовый спектакль, на который потрачены силы, средства и вдохновение, не был прият, нужны веские основания. Но все они — и неубедительность режиссерского решения, и слабые актерские работы, в особенности оформления в конце концов — могли бы быть как-то исправлены, дотянуты, как говорится, до определенного художественного уровня, окажись необходимой сама тема разговора театра со зрителями.

Но в том-то и дело, что этот веселый водевиль при всех своих достоинствах новую тему не открыл. Больше того, в контексте предыдущих спектаклей он воспринимался как повторение уже многократно сказанного. История любви четырех молодых людей, хоть и мастерски преподнесенная драматургом, оказалась на сахалинской сцене всего-навсего продолжением бесконечно затянувшегося представления на одну и ту же сцененно-бытовую тему, порядком надоеvшую.

И хотя никто, разумеется, не настраивал от театральных неудач, об этой, последней неудаче сезона не стоило бы и говорить, не представляясь она событием закономерным, а разговор о нем принципиально важным. Хотя и трудным. Поэтому что всегда трудно говорить начистоту, прямо и откровенно о просчетах и ошибках. Куда легче их не замечать, а описывать только удивление, чистоту даже частичную, в надежде на то, что такая «чистота» во спасение пойдет на пользу. Но нет, она никакого спасения: ни зрителю от халтуры, ни театру от просчетов.

Так о чем же с нами вели со спенем разговор на протяжении последнего сезона? О чем мы могли узнать, над чем пролить слезы, задуматься, посмеяться, что влечет из театрального деяния? Что потрясло нас, к каким гражданским чувствам нашим обращался театр?

Из шести премьер сезона в четырех так или иначе варьировалась тема любви, поиска личного, семейного счастья. И это было еще подобием: тема, как говорится, вечная, нет на земле ничего более искренне-честного, прекрасного и разнообразного, чем это чувство, которому художники во всех видах искусства посвящают лучшие свои творения. Но в том-то и дело, что лучшие произведения драматургии в поле зрения театра почти не попадали. Трудно заподозрить руководителей в сознательном желании взять в репертуар зачем-то слабую пьесу или выпустить плохой спектакль, нобросим еще раз взгляд на афиши сезона.

ЗАМЕТНЫЙ успех выпал на долю одного спектакля — «Модели сезона» Г. Рябкина. Комедию на довольно-таки звездный сюжет о слабовольном муже под близнецом уманированной женой театр, впрочем, разыграл живо и слажено. И показалось ему, что падал на золотую жилу. Режиссер В. Полищук, окрыленный успехом, ставит следующую комедию «Возвращение Одиссея» — о метаниях современной Пенелопы. Чтобы не повторять то, что уже говорилось на страницах газеты об этом спектакле, упомяну лишь, что он если и не побил рекорд краткосрочности существования, то очень приблизился к нему. Сразу после премьеры стало ясно: ставить его в афиши бесполезно — зрители не пойдут.

Здесь бы театру и прислушаться к их мнению, проанализировать, а не дает ли корабль искусства крен, а если дает, то где и что тому причиной и нет ли других проблем, склоков и конфликтов, волнующих современного человека. Но «руль» корабля словно заклинило. Следующая премьера «В поисках фантома» грузинского драматурга Л. Табукашвили — о неудачной любви молодых людей. За исход — «Пятое время года» Н. Павловой — тоже о неудачной любви, но уже немолодых...

Премьера за премьерой, а театр по-прежнему пуст. Навязанные здесь пьесы невразличны. Драматург Н. Павлова, к примеру, создает глубокий и привлекательный женский характер, и в принципе спектакль мог бы получиться интересным, будь в нем хотя бы калъя правды. Но, увы, в игре акте-

ром и ответственным периодом нашей истории. Это уже говорит о нечеткой идеальной позиции, а не просто об отсутствии вкуса и чутья на хорошую пьесу.

Перестройка стиля работы назрела давно. И начинать ее следует, на мой взгляд, с изменения отношения к театру... в самом театре. Это касается и морального климата в коллективе, и актерской техники — разве можно, сидя в зрительном зале, сопротивляться и восхищаться, если из-за кулис выходит актер, не владеющий специальной речью и пластикой? Ведь мы, зрители, давно уже забыли, что такое заразительность актерской игры, подливное волнение, когда зал и сцена скваются единими порывом... А примитивный уровень рекламы и пропаганды театра — разве это уважение к самому себе?

И ТЕАТРУ НУЖНА ПЕРЕСТРОЙКА

ров трудно обнаружить хоть какие-то живые, искренние чадовеские чувства.

Впрочем, то же самое можно сказать и о других спектаклях, и это, думаю, закономерно. Однобрызговые коллизии, способ существования на уровне примитивного бытового конфликта сужают диапазон актера, инвертируют творческую индивидуальность.

Были, правда, работы иного плана. Их две: «Домик на окраине» А. Арбузова и «Божество одно — свобода!» Д. Валдеса. В первой, выпущенной в честь 40-летия Победы, предпринята попытка дать вторую жизнь пьесе, популярной тридцать лет назад, а написанной еще раньше. Попытка, увы, неудачная: теплой, доверительной, интимной интонации, в которой стечились театр, выбравший эту камерную, «ингеграммную» пьесу о войне, не вышло.

Сложноказалось преодолеть несовершенство драматургического материала второй пьесы, о постановке которой недавно писал речь на страницах газеты. Несмотря на ряд достоинств спектакля, факт остается фактом: внимание зрителей он не привлек.

Один режиссер, когда я попросила его поделиться секретом успешной работы театра, сказал так: «Главное — порадовать в точку». Мне кажется, это очень верно. Вот только ни раз, ни мой взгляд, обладатель театр в прошедшем сезоне в точку не попал.

ОБ ЭТОМ бы серьезно задуматься партийной и организационной работников управления культуры облисполкома, ответственным за постановку театральной работы: ведь и пустые залы, и убогий репертуар, и падение актерского мастерства, вообще престижа, авторитета театра в городе и области — все происходит на их глазах. Но — нет, ничего не меняется.

Чем, к примеру, ответил театр на решение XXVII съезда КПСС? Какой перестройкой, какими перечеркнами? Как заявил о своем идеально-художественном кредо, о своей гражданской позиции? Он взял в работу новую пьесу все того же Г. Рябкина, в которого театр безоговорочно уверовал после «грандиозного» успеха комедии «Модели сезона». Называется она «В этой девушке что-то есть». Однако ничего, увы, «в этой девушке» нет. Очередная история семейной разлада, только с еще большей дозой пошлости и примитива. Вот и весь отает театр на тот общественный подъем, на острые социально-политические вопросы, что вызваны к жизни слож-

Говоря об истинном искусстве, будем, однако же, помнить, что театр — учреждение и финансово-экономическое, и он должен по многим показателям выполнять позицию, правда, не заявляемую, что выпускает «продукцию особого рода — духовную, идеологическую». Но в нашем театре забыла об этом: репертуар рассчитан на обычательский вкус и служит единственной цели: завлечь зрителя, для чего все средства хороши.

Своеобразным «апофеозом» такой политики стала последняя неделя сезона, когда афиша пряталась на творческую встречу с молодыми актерами, дополненную танцами под ВИА. Но не спасли и танцы. Молодые люди, поскутив в чисто-пустом зале, покурив стояли вдоль стен верхнего фойе и спорили, глядя на сияющие листы: слишком много света! Было бы почище — можно и поташевать...

Каким же будет следующий этап работы со зрителями? Уменьшение количества ламп?

А ведь в принципе подобные встречи можно только приветствовать, быть они устроены яко, с выдумкой, с любовью и оптимизмом: уважением к искусству. Разве зрители не вправе рассчитывать на полноценную актерскую самоотдачу в каждом зиноде? На броскую театральность вместо унылого однобранзия? Главное же, они должны чувствовать желание театра пти на контакт! И вообще, мне кажется, для таких встреч нужно находить свою, оригинальную форму. Может быть, устраивать их не в зале на 600 мест, из которых заняты 60, а, скажем, на «малой» сцене?

В прошедшем сезоне провели несколько зрительских конференций — хорошо! Но слишком мало, чтобы стали заметны сдвиги в массовой работе. Нужна подробная, хорошо разработанная система изучения театральных интересов различных социальных групп.

Словом, необходимо поиск во всех направлениях, чтобы театр постепенно обрел свое творческое лицо, заняло утраченные позиции и занял подобающее ему место в идеологической жизни области.

Сегодня здесь скучно, как в гостях у человека, с которым не о чем разговаривать. А как хочется, чтобы театральное лебяще давало пищу для ума и сердца, чтобы отыскал, находит, театр тому для разговора со зрителем — важного, нужного, актуального, неравнодушного разговора. А зритель откликается.

В. КАМЕНЕЦКАЯ